

<https://doi.org/10.70728/b.series.fil.v08.i08.062>

МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В ЛИТЕРАТУРЕ

Саидова Олима Ботировна

*Преподаватель русского языка и литературы,
Азиатский Международный Университет.*

Аннотация. В статье исследуется метафора как механизм, одновременно участвующий в концептуализации опыта и в художественной организации литературного текста. Для выявления метафорических единиц использовались принципы MIP/MIPVU в сочетании с контекстуальным, когнитивно-семантическим и стилистическим анализом.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, когнитивная поэтика, образная схема, концептуальная интеграция, стилистика, художественный дискурс, образность, читательская интерпретация.

METAPHOR AS A COGNITIVE AND STYLISTIC TOOL IN LITERATURE

Abstract. This article examines metaphor as a mechanism that simultaneously participates in the conceptualization of experience and the artistic organization of literary texts. To identify metaphorical units, the principles of MIP/MIPVU were applied in combination with contextual, cognitive-semantic, and stylistic analysis.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, cognitive poetics, image schema, conceptual integration, stylistics, literary discourse, imagery, reader interpretation.

METAFORA ADABIYOTDA KOGNITIV VA STILISTIK VOSITA SIFATIDA

Annotatsiya. Ushbu maqolada metafora inson tajribasini konseptuallashtirish hamda badiiy matnni estetik va mazmuniy jihatdan tashkil etishda bir vaqtning o‘zida ishtirok etuvchi mexanizm sifatida tadqiq etiladi. Metaforik birliklarni aniqlashda MIP/MIPVU tamoyillaridan foydalanilib, ular kontekstual, kognitiv-semantik va stilistik tahlil usullari bilan uyg‘unlashtirildi.

Kalit so‘zlar: metafora, konseptual metafora, kognitiv poetika, obraz sxemasi, konseptual integratsiya, stilistika, badiiy diskurs, obrazlilik, o‘quvchi talqini.

Введение

Метафора традиционно рассматривалась в риторике и стилистике как троп, основанный на переносе наименования по сходству и используемый для создания

выразительности. В рамках такого подхода основное внимание закономерно сосредоточивалось на индивидуальном художественном образе, его эмоционально-оценочном потенциале, необычности сочетаний и роли в авторском стиле. Российская стилистическая традиция, в частности работы И. В. Арнольд, рассматривает образность и стилистический анализ как важные составляющие изучения художественной речи, тогда как исследования В. Н. Телии связывают метафору не только с экспрессией, но и с процессами смыслопроизводства и формированием языковой картины мира.

Существенное изменение исследовательской перспективы произошло в когнитивной лингвистике. В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора определяется не как исключительно поэтическое отклонение от буквальной нормы, а как один из механизмов, посредством которых человек структурирует опыт: знания о физически или социально более доступной сфере используются для понимания другой сферы.¹ В издательском описании *Metaphors We Live By* специально подчеркивается связь метафоры с фундаментальными процессами мышления, восприятия и действия; содержание книги включает разделы о системности метафорических концептов, ориентационных и онтологических метафорах, персонификации и телесном основании концептуальной системы.

Р. Гиббс, в свою очередь, связывает метафоричность и другие формы образного мышления с общими процессами человеческой когниции, а М. Тёрнер переносит этот тезис непосредственно в область литературного мышления, утверждая значимость повествовательной и образной проекции для повседневной когнитивной деятельности.⁶⁹

Цель исследования состоит в выявлении механизмов взаимодействия когнитивной и стилистической функций метафоры в русской и переводной художественной литературе. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить применимые к литературному анализу положения теории концептуальной метафоры, образных схем и концептуальной интеграции; провести качественный анализ репрезентативно разнообразных литературных фрагментов; установить основные когнитивные и эстетические эффекты метафоризации; сопоставить функционирование метафоры в лирике, реалистическом романе, модернистской и постмодернистской прозе, драме и антиутопии.

Материалы и методы

Исследование имеет качественный, интерпретативный характер. Материал организован как целевой аналитический мини-корпус из десяти фрагментов, а не как статистически сбалансированный корпус. В него включены русская классическая поэзия и проза XIX–XX вв., современная русская проза конца XX — начала XXI в., а

⁶⁹ Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // *Metaphor and Symbol*. — 2007. — Vol. 22, no. 1. — P. 1–39.

также два фрагмента англоязычной литературы в русском переводе. Такой дизайн позволяет сопоставить различные жанровые способы метафоризации, но не дает оснований для выводов о частотности метафор в литературе в целом.

Отбор осуществлялся по четырем критериям. Во-первых, контекстуальное значение ключевой единицы должно было заметно отличаться от ее более конкретного или телесно доступного базового значения. Во-вторых, предполагаемый перенос должен быть значим для образной, психологической или концептуальной структуры фрагмента. В-третьих, предпочтение отдавалось примерам, которые позволяют реконструировать область-источник, область-цель или пространственно-телесную образную схему. В-четвертых, выборка намеренно охватывает несколько исторических периодов и жанров.

Результаты

Теоретическая модель. Результаты теоретического анализа позволяют рассматривать литературную метафору как многоуровневое образование. На первом уровне находится телесный и культурный опыт; его повторяющиеся отношения формируют простые схемы движения, нахождения внутри границ, воздействия силы и пространственной ориентации. На втором уровне эти структуры могут проецироваться на абстрактные области. На третьем концептуальный перенос получает конкретное языковое выражение. Именно здесь литературный текст способен сделать привычную схему необычной посредством лексического выбора, синтаксического развертывания, парадокса, персонификации или композиционного повтора. Теория Лакоффа и Джонсона объясняет системность переноса; подход Джонсона — его телесно-схематическое основание; модель Фоконье и Тёрнера — возникновение нового содержания при интеграции нескольких пространств.

Схема показывает, что концептуальный перенос и стилистическое оформление образуют не линейную последовательность «сначала мысль — затем украшение», а взаимозависимую систему: читатель восстанавливает концептуальные связи именно из конкретной художественной формы. Такое понимание согласуется с когнитивной трактовкой метафоры и с представлением о литературном мышлении как использовании общих когнитивных операций в эстетически организованном контексте.⁷⁰

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают продуктивность подхода, при котором когнитивная и стилистическая трактовки метафоры рассматриваются как взаимодополняющие уровни анализа, а не как конкурирующие теории. Когнитивная модель отвечает прежде всего на вопрос, почему определенное метафорическое сопоставление оказывается понятным и какие выводы оно позволяет строить. Стилистический анализ объясняет, почему конкретная реализация этого

⁷⁰ Толстой Л. Н. Война и мир. — Т. 2, ч. 3, гл. III. Электронная публикация Российской виртуальной библиотеки.

сопоставления становится значимой именно в данном произведении. Общий принцип переноса может быть широко распространен, однако его художественная ценность определяется способом языковой актуализации. Это согласуется с исходным положением когнитивной теории о системности метафорического мышления и с российским пониманием метафоры как средства смыслопроизводства и экспрессивной оценки.

В лирике наблюдается более высокая степень взаимного проникновения субъективного и природного пространств. В «Парусе» предмет пейзажа постепенно получает признаки действующего и желающего субъекта; в стихотворении Есенина природный объект становится говорящим. Лирическая метафора поэтому нередко не объясняет абстрактную мысль посредством отдельной аналогии, а формирует целостную модель мира, в которой граница между внешним и внутренним ослабляется. Это особенно заметно в коротком тексте: ограниченный объем усиливает роль каждого повторяемого семантического признака.

Наконец, результаты заставляют уточнить понятие «стилистический инструмент». Художественная метафора не всегда является полностью сознательно выбранным приемом автора, и исследователь не может непосредственно реконструировать авторское намерение из языковой формы. Корректнее говорить о функции метафорической структуры в тексте и о тех интерпретационных возможностях, которые она создает. Это особенно важно при применении когнитивных моделей: обнаружение схемы ПУТИ или КОНТЕЙНЕРА не заменяет литературоведческого анализа, поскольку одинаковая схема способна получать радикально различные эстетические реализации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что метафора в литературе представляет собой не отдельное «украшение» уже сформированной мысли, а механизм, в котором процессы концептуализации и эстетической организации текста пересекаются. Теория концептуальной метафоры объясняет систематическое использование знаний одной области для осмысления другой; теория образных схем показывает роль телесно-пространственных структур в организации такого переноса; концептуальная интеграция объясняет более сложные случаи образования эмерджентного смысла. Российская теория метафоризации дополняет эту перспективу вниманием к смыслопроизводству, экспрессивности и оценке.

Анализ десяти литературных фрагментов выявил несколько устойчивых механизмов. Абстрактное осмысляется через физически доступное: время — через пространство заключения, нравственное разрушение — через смерть, влияние речи — через огонь и силу, жизнь — через театр и движение. Персонификация позволяет переносить структуру человеческой агентности на природные объекты и политические абстракции. Развернутые метафоры организуют не только отдельные предложения, но

и более крупные композиционные фрагменты: так функционируют дуб в сюжетной линии князя Андрея и театральная модель в монологе Жака.

Главный результат заключается в том, что когнитивная функция метафоры создает модель понимания, тогда как стилистическая функция делает эту модель эстетически переживаемой. Однако данное разграничение не является абсолютным. «Жечь сердца» понятно благодаря переносу физической силы на речевое воздействие, но воздействует на читателя благодаря конкретному императивному и сакральному контексту. «Мы заперты во времени» основано на простой схеме пространства с границами, но именно выбор глагола «заперты» преобразует нейтральную пространственную модель в переживание несвободы. Следовательно, когнитивный механизм получает литературную специфику только в конкретной форме текста.

Практическая значимость такого подхода состоит в возможности объединить лингвистический и литературоведческий анализ: вместо простой регистрации тропа исследователь получает процедуру перехода от языковой единицы к концептуальному переносу, затем — к системе инференций и, наконец, к композиционной и эстетической функции.

Исследование имеет ограничения. Мини-корпус является целевым и небольшим, поэтому полученные результаты нельзя использовать для оценки частоты отдельных концептуальных метафор или строгого количественного сопоставления жанров. Для переводных произведений анализировались русские версии, а не систематические параллельные корпуса оригинала и нескольких переводов. Кроме того, реконструкция читательского эффекта осуществлялась текстоцентрически и не проверялась экспериментально.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с разметкой более крупного корпуса по процедурам MIP/MIPVU, количественным сопоставлением поэзии и прозы, изучением метафорических цепочек на уровне целого произведения и экспериментальным исследованием того, как читатели обрабатывают конвенциональные и новаторские литературные метафоры. Методологически особенно перспективным представляется соединение корпусной идентификации метафор с когнитивной поэтикой и традиционным медленным чтением: первый подход повышает воспроизводимость отбора материала, а второй позволяет сохранить внимание к индивидуальной эстетической структуре произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. — Москва: Прогресс, 1990. — С. 5–32.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.

3. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1961. — 394 с.
4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. — Москва : Высшая школа, 1981. — 334 с.
5. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. — 4-е изд. — Москва : ЛЕНАНД, 2016. — 200 с.
6. Складеревская Г. Н. Метафора в системе языка. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 152 с.
7. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. — Москва : Наука, 1988. — С. 173–204.
8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. — 248 с.
9. Black M. Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society. — 1954. — Vol. 55. — P. 273–294.
10. Black M. More about Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — P. 19–41.